

Серия
СЛУШАЙ СВОЕ ТЕЛО

Lise Bourbeau

L'auteure du best-seller

ÉCOUTE TON CORPS,
TON PLUS GRAND AMI SUR LA TERRE

**JE SUIS
DIEU WOW**

Миз Турба

ПУТЬ
К ЛЮБВИ

Я – Бог? Вот это да!
Духовная автобиография

«СОФИЯ»



2 0 1 4

УДК 82-312.6(71)
ББК 84(7Кан)
Б91

Перевод с французского Н. Белоусовой

Бурбо Лиз

Б91 Путь к Любви. Я — Бог? Вот это да! / Перев. с франц. — М.: ОО Книжное издательство «София», 2014. — 256 с.

ISBN 978-5-906749-39-0

Перед вами увлекательная духовная автобиография Лиз Бурбо, автора книги «*Слушай свое тело*» и многих других международных бестселлеров. Главная идея книги заключается в том, что Бог, ведущий нас и формирующий нашу судьбу, — это прежде всего мы сами.

Никто настолько не заинтересован в преодолении жизненных трудностей, как наша собственная душа. Между рожденьями наша душа сама выбирает себе жизненный план, сама решает, с какими людьми столкнется и какие проблемы встанут перед ней. Нашей душе есть чему учиться и есть что преодолевать. Истинный Творец нашей жизни никогда не желал нам зла и всегда ведет нас к Любви. И этот Творец — мы сами.

УДК 82-312.6(71)
ББК 84(7Кан)

© 1991 Lise Bourbeau
Je suis Dieu Wow!

Гостевая книга автора, в которой вы можете оставить свои комментарии о любой ее книге на своем родном языке:
<http://users3.smartgb.com/g/g.php?a=s&i=g35-73974-1a&l=12>

Все права зарезервированы, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

ISBN 978-5-906749-39-0

© ООО Книжное издательство «София», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Посвящение</i>	6
<i>Благодарности</i>	7
<i>Вступление</i>	8
<i>Глава 1</i>	
МОЕ ДЕТСТВО	10
<i>Глава 2</i>	
МОЯ ЮНОСТЬ	30
<i>Глава 3</i>	
Я БОГ В УЧЕБЕ И РАБОТЕ	50
<i>Глава 4</i>	
Я БОГ В ФИНАНСОВЫХ ВЗЛЕТАХ И ПАДЕНИЯХ ..	97
<i>Глава 5</i>	
Я БОГ В ОТНОШЕНИЯХ	139
<i>Глава 6</i>	
Я БОГ СВОЕГО ТЕЛА И ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ	199
<i>Глава 7</i>	
Я БОГ. ВОТ ЭТО ДА!	228
<i>Заключение</i>	254

ПОСВЯЩЕНИЕ

**Всем мужчинам
моей жизни**

Благодаря вам
я наконец
приняла своего
внутреннего Мужчину;
теперь я люблю
эту часть себя.

Желаю вам
полюбить себя,
как вы помогли
это сделать мне.

БЛАГОДАРНОСТИ

Спасибо всем, кто до сегодняшнего дня был частью моей жизни. Благодаря всем вам — даже если вы не упомянуты в этой книге — моя жизнь и стала столь насыщенной.

Отдельная благодарность всем, кто помог выпустить эту книгу: Одет Пеллетье, Сильви Бенар, Франси Леру, Пьерет Таефер, Марку Шеванель, Элиан Леру, Николь Дюмон, Кристиан Тремблей и Диане Миллер.

*Особая благодарность —
моему внутреннему БОГУ.*

ВСТУПЛЕНИЕ

«**Путь к Любви. Я-Бог? Вот это да!**» Наверное, ты сейчас думаешь: «Какое претенциозное название!» Но разве тебе не любопытно, дорогой читатель, узнать, кто эта Лиз Бурбо, которая считает себя БОГОМ? По-моему, это утверждение не претенциозно, если признать, что заявить о себе «Я — БОГ» может каждое живое существо.

Цель этой книги — помочь тебе осознать вездесущность твоего внутреннего БОГА. БОГ всегда живет и действует в каждом из нас. Вот что нужно понять. Мне понадобились долгие годы поиска, чтобы это осознать. Все, что происходило со мной с самого детства, — работа моего внутреннего БОГА, который без устали вел меня, чтобы я все больше и больше жила в любви. Еще с тех времен, как я была совсем ребенком, Он показывал, что однажды мне захочется не только «жить в любви» во всех проявлениях жизни, но и учить этому других, чтобы быстрее учиться самой. Я узнала, что учитель, если он желает постигать что-то новое, должен всегда оставаться учеником.

Для начала я в общих чертах расскажу о своем детстве, чтобы тебе было понятней, с чего все начиналось. Затем на примере реальных событий моей жизни я покажу разнообразные формы проявления БОГА во мне, как и в каждом из нас. Моя главная цель — подчеркнуть, как важно принимать себя, — другими словами, принимать БОГА во всех проявлениях себя. Следуя этим путем, человек может раскрыть в себе божественную силу.

Чем явственней мы ощущаем эту силу, тем больше принимаем ее как неотъемлемую часть себя. Постепен-

но ею можно овладеть и с любовью использовать себе во благо.

С помощью истории своей жизни мне хочется помочь читателю осознать БОГА. Я хочу полностью раскрыться перед тобой, читатель, чтобы ты увидел: я обычный человек, такой же, как ты, — со всеми своими желаниями, силой и слабостью.

Признаюсь тебе, во время написания этой книги меня снедали многие сомнения и страхи. Часть меня хочет обо всем рассказать, а другая боится осуждения и критики. Насколько проще было бы поведать лишь о том, что всем бы понравилось. Получился бы образ Лиз-идеальной. Несколько лет назад та часть меня, которая решила быть искренней, взяла верх. В этой книге — все, что я помню о своей жизни, и мои размышления об этих событиях.

Как и в предыдущих книгах, я решила обращаться к тебе на «ты», ведь это так сближает нас. Кстати, ты во многих ситуациях наверняка сможешь представить себя на моем месте.

На каждой странице этой книги ты увидишь выделенные фразы. Позже ты сможешь к ним вернуться. Когда почувствуешь в этом необходимость, открой книгу наугад и прочти выделенные строки. Они могут подсказать ответ на твой вопрос. Если у тебя есть конкретная проблема, закрой глаза и раскрой эту книгу. Твой внутренний БОГ выведет тебя на мысль, которая больше всего подойдет в этот момент.

Приятного чтения! Надеюсь, эта книга поможет тебе больше осознать БОГА внутри тебя.

С любовью, Лиз Бурбо

МОЕ ДЕТСТВО

Я родилась 14 февраля 1941 года в Ричмонде, маленьком городке в провинции Квебек. Безотчетно я выбрала для рождения день, символизирующий любовь, еще и не подозревая, что однажды буду учить любви. Я была четвертой дочерью в семье. У всех моих сестер разница в возрасте — полтора года. Начало войны было довольно сложным временем, все выдавали по талонам. Мой отец страдал плоскостопием, поэтому в армию его не взяли. Родители мои — очень способные люди и, на мой взгляд, во многом преуспели. Я никогда от них не слышала слов «у меня не получится». Отец мой — столяр, мама прекрасно готовит, ведет семейный бюджет и всех нас обшивает. В дополнение к своим основным занятиям родители держат в Ричмонде ресторан. Мать работает там днем, а отец — по вечерам и в выходные. У моей матери отличная деловая хватка, а отец помогает ей во всех начинаниях.

Сколько я себя помню, родители всегда очень много работают. Мы не богаты и не бедны. У моей семьи денег как раз достаточно, чтобы выжить. Хотя в жизни родителей главное место занимает работа — откуда и мое верование «жить — значит работать», — они умеют **расслабляться и веселиться**: мы коротаем семейные вечера за картами, танцуем и просто **получаем вместе удовольствие**.

Военные годы — непростое время, но благодаря организованности матери и постоянной поддержке отца семья никогда ни в чем не нуждается. Две мои сестры учатся в пансионе при монастыре, когда мать рождает

пятую дочь — через полтора года после моего рождения. За малышкой часто присматривают мои тети. Поэтому порой мне кажется, что я единственный ребенок в семье: двое старших в пансионе, младшая — у одной из теток, а сестра, которая старше меня на полтора года, — постоянно у мамы в юбках. Больше всего воспоминаний у меня связано с отцом.

Белокурая пухленькая девчонка получает от него много внимания. Я смотрю только на него, слеую за ним по пятам. Обожаю сидеть в маленьком кресле-качалке, которое он сам смастерил, и наблюдать за всем вокруг. Я очень внимательная, все замечаю и вижу больше, чем может показаться. Не помню, что происходило в моей маленькой голове, но в памяти запечатлелось: я не всегда согласна с тем, что вижу, — уже в столь раннем возрасте я многое осуждаю.

Уже тогда для меня характерна решимость. Я очень решительный ребенок, всегда знаю, чего хочу, и не останавливаюсь, пока не получу это. Сестра, которая старше меня на полтора года, всегда сдается. Я часто одерживаю над ней верх. И хотя я произвожу впечатление уверенной в себе девочки, которая идет своим путем, я очень чувствительна, что обычно довольно успешно скрываю. Я еще не знаю, что, *скрывая свою ранимость, мы не избавляемся от страха, а делаем его сильнее*. Позже в книге я еще к этому вернусь.

Каждый раз, беременея, мать надеется, что родится мальчик — это принесло бы столько радости моему отцу. Поэтому, чтобы завоевать его любовь, я веду себя, как мальчишка. Меня так и зовут — «мальчик, которого у нас не было». Позже это прозвище сильно повлияет на мою дальнейшую жизнь — долгое время я старательно доказывала, что я «мальчик, который был». С одной стороны, я хочу походить на мальчишку, которого так желал мой отец, а с другой — слышу, как мама жалуется, что папе не хватает предприимчивости. Я делаю вывод, что идеальный мужчина должен быть предприимчивым.

Став таким мужчиной, я угожу обеим сторонам — но какой ценой! Уже ребенком я делаю над собой усилие. Мне рассказывали, что в возрасте четырех-пяти лет я часто плакала. Наверное, уже тогда мне было невыносимо тяжело так контролировать себя, чтобы меня больше любили.

Мать считает меня плаксой и решает отправить в пансион в городок Сан-Феликс-де-Кингси, где уже учатся мои сестры. Февраль 1946 года, мне пять лет. В монастыре только две классные комнаты: в одной учатся с первого класса по шестой, во второй — с седьмого по одиннадцатый. Младшей школы еще не существует. Мать так решила, чтобы через год мне было легче пойти в первый класс. До конца учебного года у меня четыре месяца, чтобы во всем слушаться монахинь и привыкнуть к школьной жизни. Так моя мать договорилась в пансионе. Освободившись от меня, она может больше времени посвятить другим делам и трем моим младшим сестрам.

Случайностей не бывает — уже в этом возрасте *происходит все то, с чем мне предстоит столкнуться позже*. Монахине-учительнице я кажусь достаточно умной, чтобы за четыре месяца пройти всю программу первого класса. Все свое свободное время она учит меня тому, о чем я слышала до пансиона. До сих пор вижу, как стою возле нее. Дежурия в палате, она занимается со мной, попутно следя за тем, как старшие ученицы застилают кровати и наводят порядок. Она учит меня молитвам, а после уроков в большом классе, где она следит за тишиной, — читает со мной. Сажает меня за учительский стол и каждый раз, когда я допускаю ошибку, бьет меня линейкой по пальцам. Если я усваиваю недостаточно быстро, меня также наказывают. Еще мне очень сложно привыкнуть к монастырской пище. Как минимум раз в день меня пичкают. Иногда из жалости старшие сестры доедают за мной. Я часто плачу и не понимаю, что происходит.

Мне кажется, меня несправедливо подталкивают, и я часто ворчу на свою наставницу. Позже я узнаю: *мы*

становимся тем, что критикуем, и в этот момент во мне уже подрастает *Толкатель**. Если я хочу до конца июня закончить первый класс, мне нужно учиться все быстрее и быстрее. Верьте или нет, но экзамены я сдала! Поэтому я иду во второй класс с сестрой, которая на полтора года старше меня. Об этом времени я помню мало — только свою наставницу-монахиню да учебу, которая чаще всего заканчивалась слезами.

О монастыре мы с сестрами отзываемся плохо — все четверо там несчастливы. Мать идет нам навстречу и на следующий год переводит нас в другую школу. Теперь я живу дома и учусь в родном городке Ричмонде, где живет моя семья.

Несмотря на свой юный возраст, я принимаю серьезное решение: отныне никто больше не будет бить меня по пальцам за то, что я не успеваю или не знаю чего-то. Я больше не хочу чувствовать себя униженной или глупой. После пережитого я клянусь себе прилежно учиться и стать самой успевающей. С тех пор я почти всегда была первой ученицей в классе.

Узнав о силе прощения, я наконец смогла понять и признать положительную сторону пережитого с монахиней. Раньше я считала ее бессердечной. А со временем поняла, что наказания и ее непомерные требования стали для меня полезным опытом. Она верила в меня и в мою способность схватывать на лету, не сомневалась, что я могу пройти программу первого класса в рекордное время. На пути мне нужен был такой человек. Теперь я от всего сердца ей благодарна, ведь она помогла мне развить убеждение, что у меня все получится. Я злилась на нее более тридцати лет. Какое же облегчение приносит прощение!

Решив никогда больше не чувствовать себя униженной, я учусь быть более ответственной и мгновенно при-

* Имеется в виду одна из субличностей, или аспектов, Лиз. Здесь и дальше субличности написаны с заглавной буквы (*Толкатель, Ленятйка, Мужчина, Женщина* и пр.). — *Прим. перев.*

нимать решения. Я быстро замечаю, что чем дольше не могу решиться, тем больше сомневаюсь и тем сложнее мне переходить к действию. Даже будучи ребенком, я поняла: лучше ошибусь, чем не сделаю ничего. Я рано осознала, что быстрее всего мы учимся на собственном опыте.

Когда я действую, я счастлива, потому что учусь. Мне еще не известно, что, **когда мы колеблемся, это всплывают наши страхи, основанные на пагубных убеждениях; они вселяют в нас сомнения и в конце концов подталкивают к неправильному решению.**

Я активный ребенок и легко стала любимицей монахинь. Я пунктуальна, старательна, погружена в учебу, поэтому до конца школы они любили меня больше всех учениц. Не говоря уж о том, что у меня всегда отличные оценки. Благодаря жажде знания я интересуюсь всем новым. Меня привлекают самые разнообразные предметы, кроме диктантов и сочинений... Кто бы мог подумать, что я стану писательницей! Действительно, никто не знает, что готовит нам день грядущий... Вот почему нужно всегда оставлять двери открытыми для непредсказуемого!

В седьмом классе учительница-монахиня решает, что мне стоит перескочить сразу в девятый класс. Ей кажется, что для этого у меня достаточно ума и старания. Я снова сталкиваюсь в жизни с учительницей, которая верит в меня! На этот раз восьмой класс не слишком сложный; самые трудные предметы — в седьмом. За месяц до окончания седьмого класса учительница предлагает мне сдать экзамены за восьмой класс и дает все учебники, которые для этого нужны. «Лиз, если хочешь, можешь в свободное время заниматься по этим учебникам. Я допускаю тебя к экзаменам восьмого класса. Если сдашь их, сразу перейдешь в девятый!»

Вот это да! Вот это повезло! Конечно, я очень взволнована. (Я всегда говорила: «Вот это да!») Придется много работать, но это меня не смущает.

Это вызов, в котором я вижу не тяжкий труд, а неслыханный шанс и оказанную мне честь. И что вы думаете? В следующем году в возрасте двенадцати лет я иду в девятый класс с четырнадцати- и пятнадцатилетними девочками. Поначалу мне немного не хватает своих бывших одноклассников, с которыми я училась много лет. Теперь я среди «старших». Чувствую себя важной. Но не слишком зазнаюсь. Монахини столько раз говорили мне, что этот талант от «младенца Иисуса», в этом нет моей заслуги и нужно использовать его на благо людей. Я усвоила это на всю жизнь. В новом классе ученицы приняли меня быстро.

Несмотря на свой возраст, я показываю себя очень зрелой и ответственной. Каждый год монахини поручают мне какую-нибудь внеклассную работу. За что бы ни взялась, я все довожу до конца. Во мне уже проявляются способности лидера, и я с огромной радостью принимаю любую новую ответственность. Я так хорошо справляюсь со всеми поручениями, что монахини смело доверяют мне новые дела.

Школа — важная часть моей жизни, но я веду себя ответственно и в близком кругу. Дома я счастлива, быстро делаю уроки, и у меня остается много времени на игры. Я не была трудным ребенком. Не помню, чтобы родители хоть раз серьезно меня наказали или бранили. Способности лидера проявляются во мне и с друзьями. Я весьма предприимчива и верховожу детьми, которые приходят играть на нашу улицу. Для меня это так же естественно, как дышать. В школе, дома, на улице — я везде испытываю свои организаторские способности. **Я решительно приступаю к действию и достигаю желаемого.** Никто не жалуется, во время игр многие подруги радостно принимают мои идеи и позволяют мне верховодить в наших делах.

Иногда я слышу, как сестры критикуют родителей. Я не могу понять, как они смеют, ведь родители столько работают, чтобы о нас заботиться. Мне очень сложно

принять такое отношение. Помню, как моя сестра, которой было около шестнадцати лет, возмущалась, что мать на нее давит. Мне двенадцать, и я часто вижу, как мама из-за этого плачет. Когда она просит мою сестру прийти до такого-то часа, та всегда возвращается намного позже. Однажды мама спросила, почему она вернулась так поздно: «Ты же знаешь, я беспокоюсь и не могу заснуть, пока вы все не вернетесь домой». На что сестра ответила: «Это твои проблемы, если ты не можешь заснуть и беспокоиться!»

Я все вижу и не могу не воскликнуть: «Как можно быть такой бессердечной? Разве ты не видишь? Мама столько работает, у нее много дел, ей нужно выспаться! За что ты с ней так?» Сестра глядит на меня свысока и говорит: «А ты, малявка, не вмешивайся не в свое дело, это тебя не касается!» В общем-то, она права. Но я этого не вижу, потому что очень злюсь каждый раз, когда она ведет себя так эгоистично. Я сильно ее осуждаю. Не понимаю, что я решила быть послушной, чтобы меня больше любили; а моя сестра позволяет себе то, чего я никогда не осмелюсь сделать и сказать.

В момент этой сцены папа был на кухне. Когда он дома, его как будто и нет, он очень неразговорчив. Но на этот раз он вмешивается: «Хоть она и младше тебя, но послушней!» Его слова не остались без внимания. Они меня очень впечатлили, ведь обычно детьми занималась мама; отец вмешивался очень редко. Он встал на мою сторону! Вот это да! Из этого я понимаю — он любит во мне послушность. Значит, я не зря решила быть образцовым ребенком.

Когда приходит мой черед гулять по вечерам, я никогда не лгу матери и всегда говорю, когда вернусь. Если задерживаюсь, перезваниваю и предупреждаю. **Я осуждаю сестру, когда она что-либо скрывает от родителей, но позже понимаю, что сама научилась виртуозно врать себе.** Я осознала: **желая, чтобы нас любили, мы так**

себя контролируем, что в результате пренебрегаем собственными нуждами.

В детстве с нами происходит множество событий. Под их влиянием мы принимаем решения, которые влияют на нашу будущую жизнь. Мы видим, что нужно делать, чтобы нас любили. С малых лет мы хотим, чтобы нас любили больше, и учимся всевозможным хитростям, лишь бы получить это. Вспоминая о моих сестрах, теперь я понимаю, что у них было право не соглашаться с поведением матери и они это делали, как могли. Однако мои родители не умели слушать и не видели, что скрывается за критикой. Я была ничем не лучше. Я осуждала сестер за то, что они критикуют маму, и критиковала их за то, что они ее осуждают. Значит, я была такой же, как они. Я еще не знала, что **мы становимся тем, что критикуем, даже если это часто выражается по-другому.**

Моя мама — деловая женщина, строит карьеру. Она авангардистка, ничто не мешает ей одновременно вести дела и воспитывать детей. Когда мне было одиннадцать, родители владели несколькими ресторанами. Рожая очередного ребенка, мама лишь на пару недель отходит от дел и как можно быстрее приступает к работе снова. Отец работает на заводе с семи утра до шести вечера, а потом до полуночи — в ресторане. В выходные родители по очереди проводят время с детьми. Отец играет с нами во дворе. Зимой водит на каток. Как он с нами терпелив! С мамой мы чаще всего сидим за столом и складываем головоломки. За десять правильно подобранных деталей полагается конфета! Вот это да! Вот это вознаграждение! В то время конфеты были редкостью.

О детстве у меня остались в основном приятные воспоминания. С родителями так надежно. Они скудно выражают свою любовь, мы редко по-настоящему общаемся, но рядом с ними мы в безопасности. **Они изо всех сил стремятся передать нам лучшее, что в них есть.** Мои братья и сестры тоже помнят об этой защищенности.

Мама может сшить все что угодно: от школьной формы до зимних комбинезонов, от вечерних платьев до пальто! Как только у нее появляется свободная минутка, она шьет. Иногда даже перешивает старые вещи. Она большая мастерица. Все свое время она проводит между рестораном, шитьем, нашей учебой, семейным бюджетом и т. д. Мои родители оба очень активны.

Не помню, чтобы я критиковала маму, кроме двух особых случаев.

Мне девять лет, я хочу коньки. Я всегда донашиваю за старшими сестрами, поэтому мне достается их обувь и коньки. Но я быстро расту, мои ноги тоже, и вот уже старые башмаки начинают давить. Ноги постоянно мерзнут в ботинках, которые мне уже малы, и я решаю, что к следующей зиме мне нужны новые — моего размера. Родители мне их не купят, это даже не обсуждается. Будучи решительным ребенком, **я приступаю к действию!**

Я ищу работу, чтобы скопить немного денег. Сажу с соседскими детьми. Зарабатываю 25–50 су за вечер. Я делю комнату с тремя сестрами. Спрятать деньги в ней невозможно, поэтому я вверяю их маме. Не знаю, откуда этот страх, что у меня украдут деньги, но, заработав, я тут же отдаю их матери. Приближается зима, по моим подсчетам сбережений должно хватить на новые коньки. Я выбираю себе самые красивые коньки с белыми ботинками, которые на тот день стоят десять долларов. Когда приходит момент забрать у мамы деньги, она говорит: «Какие десять долларов? Ты мне столько не давала!» Я поражена: «Но, мама, я же тебе отдавала весь свой заработок! Я уже много месяцев откладываю и посчитала — там должно быть десять долларов». А мама ответила: «Быть этого не может, наверняка ты ошиблась. Я помню, ты давала то 25 су, то 50, но на десять долларов — никогда! Самое большее — один-два доллара!» Я шокирована. Плачу навзрыд.

Надо сказать, к тому моменту нас было девять детей, а прокормить такую семью стоило около 25 долларов в

неделю; так что мои 10 долларов были немалыми деньгами. Какие только чувства я не испытывала! Я злюсь на маму, считаю ее несправедливой, мало того, она даже не предложила купить мне коньки подешевле. Я чувствую себя никому не нужной. Она даже не заметила моего расстройства! Тогда я еще не знала, что **у страха огромная созидательная сила**, вот и воплотилось то, чего я боялась: у меня забрали деньги.

В следующем месяце я слегла с тонзиллитом. Все праздники провожу в постели, к тому же меня должны оперировать. Теперь я знаю, эта болезнь стала физическим последствием того происшествия. Меня переполнял гнев, который я не могла выразить, ведь послушная девочка не может сказать маме, что злится на нее. Этот случай сильно повлиял на мою жизнь. Я твердо решила: зарабатывать деньги нужно самой, надо много работать, это очень трудно, а главное, нужно следить, чтобы у тебя никто их не отобрал.

В это время у моей матери рождается девятый ребенок, первый мальчик в семье. Все говорят, какое это счастье для моего отца — долгожданный сын. Я ужасно боюсь потерять свои позиции. Высокая температура, которой сопровождается тонзиллит, показывает мою ярость перед страхом потерять свою важность в глазах отца. Оба события происходят практически одновременно. От высокой температуры наступает облегчение; позже я узнаю, что подскочившая температура часто освобождает тело от невысвобожденного гнева.

К тому же я обвиняю мать в том, как она относится к отцу. Я его обожаю и не вижу в нем недостатков. Пусть он и замкнутый, зато поддерживает свою жену во всех ее решениях. Он всегда готов ей помочь, всегда рядом, хоть и в тени. Однако она часто говорит о нем не слишком лестными словами: «Вам повезло, дети, что есть я. Был бы у вас один отец, не иметь бы вам всего этого!» или же «Хорошо, что я слежу за тем, чтобы на всех хватало денег!»

Конечно, мама предприимчивей отца, но позже я узнаю, что иногда она боялась. При этом она так отважна и уверена в себе, что никто этого не замечает. Между прочим, она специально скрывает от папы свой страх и риски, на которые идет, — чтобы он не волновался. Он не очень разговорчив, но она чувствует, как он беспокоится. Они, как большинство семейных пар, **скрывают свои чувства, вместо того чтобы говорить о них, создавая иллюзию, будто проблемы нет.**

Тогда эти подробности не были мне известны, и я обвиняла мать в том, что она несправедлива к отцу, давит на него и все за него решает. С другой стороны, в глубине души я обвиняю отца в том, что он не сопротивляется и молчит, когда нужно было бы возразить. Мы становимся тем, что критикуем, поэтому в следующей главе вы увидите: я стала властной, как моя мать, а в своих отношениях с мужем я переняла ее поведение с моим отцом.

В школе происходит еще одно событие, которое сильно на меня влияет. Мне девять лет, я в пятом классе, готовлюсь к экзамену в конце месяца. В учебе я очень честолюбива, и этот экзамен для меня крайне важен, тем более что времени на него осталось мало, а показать себя нужно во всем блеске. Мы должны за какое-то время ответить на вопросы и со звоном сдать работы на учительский стол. В те времена мы еще не имеем права пользоваться шариковой ручкой. Мы пишем перьевыми ручками, макая их в чернильницу.

Только я приступила к работе, как мое перо ломается между пальцами. Я быстро открываю парту в поисках нового наконечника, а они закончились! В ужасе я начинаю реветь. Монахиня ставит часы на паузу и спрашивает: «Лиз, почему ты плачешь?» Сквозь слезы я признаюсь: «У меня сломалось перо, а запасного нет!» Она отвечает: «Подойди сюда». Ставит меня перед классом и громко говорит: «Только посмотрите на малышку, которая плачет по пустякам!» Затем оборачивается ко мне и спрашивает: «А поднять руку и попросить перо ты не могла?» — «Ну,

я думала, что нельзя, — вы же сказали: десять минут должна сохраняться полная тишина». — «Да, но разве я говорила, что никому не дам запасное перо, если оно понадобится? Нельзя быть такой неловкой, нужно научиться просить! Тебе надо было лишь поднять руку и попросить перо. Кто-нибудь одолжил бы тебе». Монахиня отпускает меня на место, одноклассница дает мне запасное перо, экзамен продолжается. Я чувствую себя страшно униженной. Только представьте себе! Так обойтись перед всеми с первой ученицей в классе! Я вижу только, что меня выставили душой, а я этого не переношу — ведь я из кожи вон лезу, чтобы быть самой умной, самой способной, самой примерной!

Я еще не понимаю: **пока событие не принято с любовью, оно будет повторяться в нашей жизни.** В первом классе я не приняла учительницу, которая называла меня малышкой из-за того, что я часто плакала. Поэтому мне пришлось встретиться с другой монахиней. **А нужно было лишь увидеть их добрые намерения и желание помочь**, но тогда я этого еще не знала.

Этот эпизод так впечатлил меня, что я принимаю следующее решение: сделать так, чтобы больше никогда не казаться маленькой плаксой. До семнадцати лет я не проронила и слезинки. Даже в подростковом возрасте, когда появилось телевидение и я смотрела самые душещипательные передачи, я никогда не плакала. Все плачут (чувствительность у нас в роду), а я нет — никто не должен называть меня маленькой. Я подавляю свои чувства и сдерживаю слезы. К тому же в глубине души я хотела бы быть мальчиком — еще одна причина не распускать нюни. Ведь мужчины не плачут (я ни разу не видела, чтобы плакал мой отец).

Долгие годы я делаю все возможное, чтобы создавать впечатление очень сильного человека. **Я постоянно доказываю себе, что сильна и на все способна, хотя на самом деле в это не верю.** Я еще не ведаю о той мощи, которая живет во мне.

БОГ занимает важное место в моей жизни. А как иначе, если мои родители — глубоко верующие люди (мы каждое воскресенье ходим на службу), а в школе преподают монахини. Тем не менее я часто задаюсь вопросами. Монахини иногда говорят, что «малыш Иисус покарает меня», — я этого не понимаю. С одной стороны, нас учат, что БОГ добр, а Иисус даже пришел на Землю, чтобы спасти людей, а с другой — я часто слышу: «Ты рискуешь попасть в ад и гореть там вечно, если совершишь смертный грех». В подтверждение нам показывают изображения дьявола посреди языков пламени с пылающими вилами и много огня, из которого окаянными душам никогда не выбраться! Я не могу поверить, как справедливый Господь может не дать шанса на спасение. Если же мы были плохими, но не слишком, — всегда есть возможность попасть в чистилище, между преисподней и Небесами. Откуда после очень долгого ожидания есть шанс попасть на небо. Вот в это я верю.

Раз в месяц мы ходим на исповедь, чтобы очистить душу от греха. Я целыми днями ищу, в чем бы исповедаться, ведь, чтобы получить прощение, нужен грех. Нам говорят, что по своей природе мы не можем быть безгрешны. Поэтому я каюсь во лжи, в гневе, а иногда в том, что стащила из маминого кошелька 5 су. Кроме прочего, нужно сознаться, сколько раз я согрешила. Ходить на исповедь я не люблю. Это так унижительно — говорить о своих личных делах незнакомому человеку. **Я так хочу быть идеальной, что боюсь, как бы меня не осудили, если я признаюсь в своих плохих поступках.**

Став подростком, я ужасно боюсь исповедоваться — ведь теперь у меня есть настоящие грехи. Поцелуй с мальчиком или грязные мысли о сексе — это тяжкий грех, в котором стыдно быть обвиненной. Я по-прежнему регулярно исповедуюсь из страха умереть грешницей. Мне не верится, что БОГ может быть так суров, и при этом его нужно называть «милостивым». Когда у меня появляются сомнения относительно религии, монахинь или БОГА, я

чувствую себя виноватой, ведь кто я такая, чтобы идти против БОГА или Его представителей? Я слышу в себе этот тихий голосок. Я еще не знаю, что голосок — это я, которая ищет и хочет все знать. ***Искать ответы на вопросы и истину — важная часть нашей природы, которую нужно слушать и уважать.***

Как я уже говорила выше, у меня врожденная наблюдательность. Будучи совсем малышкой, я уже много размышляю и делаю выводы. Я наблюдаю за ученицами в школе (где учатся только девочки) и вижу, что некоторые — из таких бедных семей, что даже не имеют сменной обуви. Зимой они снимают сапоги и вынуждены ходить в чулках или носках. Некоторые ходят в старых дырявых башмаках. Как бы мне ни хотелось, очень сложно полюбить такого БОГА — он кажется мне несправедливым. Тех, у кого вши, монахини изолируют от нас, чтобы мы не заразились. Те, кому трудно дается учеба, подвергаются самым разнообразным насмешкам. Себя же я считаю очень талантливой, лучше всех успевающей в классе, «залюбленной», на особом счету у монахинь, у своего отца (я любимая дочь) и матери. Все это кажется мне очень несправедливым, я вопрошаю про себя: «Это и есть Божественная справедливость?» По-моему, это нечестно и неправильно, что некоторым приходится претерпеть в этой жизни столько испытаний, боли и трудностей; к тому же им приходится больше всех работать.

Монахини учат, что существует лишь одна жизнь, за которую нужно все успеть, иначе нас ждут ад или чистилище. Как же тогда объяснить жизни тех, кто родился в трудных условиях и постоянно подвергается испытаниям? Каков смысл такой жизни? Их путь намного сложнее, чем у тех, кому повезло больше, как мне. Кроме того, с самого рождения у них меньше возможностей. Мне трудно увидеть во всем этом Божественную справедливость. Я чувствую себя виноватой в том, что получила так много, и решаю нести ответственность за тех, кому повезло меньше. Только позже я пойму, что ***моя моти-***

вация помогать другим нехороша. Она основана на чувстве вины. Я ожидаю, что те, кому я помогу, будут благодарны и счастливы.

Этот грандиозный поиск Божественной справедливости закончится, когда через много лет я узнаю о теории реинкарнации. Услышав о ней впервые, я боюсь в это поверить. Перемена верования часто пугает людей. Когда же я наконец встречаю того, кто может доходчиво мне ее объяснить, я чувствую огромное облегчение.

Я примиряюсь с БОГОМ. Наконец я понимаю, что на самом деле наша душа бессмертна, она возвращается на Землю много раз, чтобы пережить разнообразные ситуации, получить всевозможный опыт, рождается в разных телах, в разном окружении, в разных странах и т. д. Она приходит снова и снова и каждый раз вытягивает новый жребий, ведь наше тело — лишь средство передвижения, позволяющее жить в земных условиях. А душа пользуется им, чтобы в разных ситуациях научиться любить. Это как каждый день моей жизни: я меняю одежду в зависимости от обстоятельств, но под разным платьем я всегда одна и та же.

Теорию реинкарнации мне объяснил очень непростой человек — доктор Герберт Л. Байерль, доктор теологии, парапсихологии, психологии и философии. Он живет в Калифорнии и обучает людей по всему миру. Ему удалось осветить все пункты, которые были мне неясны. Тогда я осознала: все, что с нами происходит, — часть божественного плана, а каждая следующая жизнь — логическое продолжение жизни прошлой.

Божественный замысел состоит в том, чтобы переживать все в любви и сострадании — к себе и к другим. Кто отказывается от этого пути, выбирает более сложную дорогу, полную страданий. Если что-то в этой жизни не разрешается в любви, рано или поздно оно разрешится в следующих жизнях. Это как если к концу дня я не успеваю что-нибудь закончить — можно продолжить завтра. Душа никогда не умирает. Ей приходится

пройти много земных жизней, чтобы достичь божественного совершенства. Только физическое тело умирает и возвращается к земным энергиям. Земная жизнь для души — как один день для физического тела.

Иными словами, на тот момент мне было очень полезно поверить в реинкарнацию. И я буду продолжать в нее верить, *пока это приносит мне пользу*. Я узнала, что это единственная причина, по которой стоит придерживаться какого-либо убеждения. ***Тогда это помогло мне развить свою веру в БОГА и взять жизнь в свои руки***, ведь я знаю — все тянется из прошлых рождений и я пожинаю плоды того, что сама посеяла. ***Моя жизнь — моя ответственность. Осознав это, я сделала выбор, который, как ключик, открыл двери к свободе***. Я могу творить свою жизнь, как захочу! Вот это да!

Все свое детство я искала справедливости. Этот поиск продолжился и во взрослой жизни. Хотя у меня были все преимущества, мне казалось очень несправедливым, что этого нет у других. К тому же со стороны моей матери было совсем нечестно забрать мои деньги на коньки. Наконец, ***я так сильно боялась стать несправедливой, что это осуществилось***. Об этом я расскажу дальше в этой книге.

Летом, когда мне было одиннадцать лет, родители продали ресторан и сняли загородный дом у большого озера в районе Асбестоса. Со стороны фасада там также был ресторан с летней террасой. Люди приезжают на машине и делают заказ. Позади ресторана располагаются наши покои с кухней, гостиной и множеством спален. Теперь детей девять: восемь дочерей и один сын. Мы приезжаем сюда на лето. Это большой праздник. Мы так возбуждены, что в первую ночь почти не спим. Мы как будто приехали на трехмесячные каникулы с родителями!

Все лето мы помогаем маме с рестораном, а отец каждое утро уезжает в мастерскую — где-то в полудне езды. У меня появляются новые друзья — очень отважные мальчишки и девчонки, старше меня. С ними я

учусь плавать; часто бывая на озере, я обнаруживаю свою страсть к воде. Втайне от родителей я плаваю далеко от берега и глубоко ныряю. Это было чудесное лето.

А еще чудесней то, что за лето родители покупают дом. У нас еще никогда не было собственного дома. При одной мысли о том, чтобы переехать из пятикомнатной квартиры в дом с десятью комнатами в деревне, меня переполняет счастье! В этом доме есть огромная кухня, летняя кухонька, зал для гостей, семь спален, гараж и мастерская для отца. Это просто шикарно, настоящий рай! Вся семья счастлива. Может показаться, что переезжать дважды за один год хлопотно, но иногда **новое скорее возбуждает, чем тягощает**. Кроме того, впервые за мою жизнь мама не будет работать! За деньги с продажи ресторана родители могут купить этот дом и жить на зарплату отца.

Каждый раз, когда я вспоминаю, как мы впервые приехали в наш новый дом, я чувствую волнение. Мы бегаем по комнатам, пытаюсь угадать, которая из них будет нашей. Естественно, последнее слово в распределении комнат — за родителями. Тем не менее это так здорово — ведь теперь нас будет не четверо в комнате, как в старой квартире, а всего двое! Я вижу, как мама счастлива в новом доме. Теперь, когда ей не придется работать, у нее будет больше времени на себя.

Я счастлива — ведь за домом течет речка, а с другой стороны видны прекрасные горы. **У меня открывается много возможностей для Искательницы приключений, чтобы развивать свою храбрость и отвагу, свою решимость**. Кроме того, я понимаю, насколько мне доверяют родители.

Речка Сан-Франсуа считается в наших местах опасной. На берегах нет пляжа, и она очень глубока. У отца одной из моих подруг есть шале на острове посреди реки. Недолго думая, я наловчилась приплывать к ней через речку. Моя мать ужасно боится воды и не хочет покупать лодку, поэтому говорит: «Ладно, если ты так в себе

уверена, плавай. Только мне не говори — я так боюсь!»
Для меня это было прекрасное доказательство любви и доверия. Я преисполнилась важности. Тогда я еще не знала, что именно такой любви мы все хотим — чтобы нас принимали, даже если с нами не согласны.

Мне доверяют и во время прогулок по лесу. Я могу уйти рано утром и вернуться на закате. С собой я беру рюкзачок с едой; часто со мной идут младший брат и сестры. Я чувствую большую ответственность, когда мама говорит: «Знаю, с Лиз вы можете идти спокойно. Она никогда не заблудится, всегда найдет дорогу домой». Помню, как я перестраховывалась и ставила метки на деревьях, чтобы точно найти обратный путь.

Я также помню: в годы, когда мы жили в деревне, я бегала на старых отцовских лыжах, от которых даже палки потерялись. Я катаюсь на них целый день. Я могла бы упасть, удариться, замерзнуть, но я выбираюсь из всех переделок, хотя без приключений не обходится. Однажды я катаюсь по обледенелому снегу. Меня переполняет азарт — ведь так я еду быстрее. У старых лыж обломаны носки. Я спотыкаюсь о бугорок, лыжи скользят по корке льда. И вот они уже загнаны в сугроб по самые сапоги (лыжных ботинок у меня нет). Я резко останавливаюсь и падаю лицом в лед. Я очень испугалась, ведь в этом положении можно легко сломать обе ноги. Мне очень больно, выбираться нужно самой, да еще и без палок! Когда я пришла домой, при виде меня мама чуть не упала в обморок. Я не знала, что мое лицо было расцарапано в кровь, которая, пока я возвращалась, замерзла и затвердела. На вид это страшней, чем есть на самом деле. Мама меня не бранит. Как если бы она ожидала от меня чего угодно и принимала меня любой. Я всегда считала, что мне везет. **Я даже не представляла себе, какая меня окружала защита.**

А еще, напротив нашего дома купил себе ферму наш дядя. Он очень властный и всегда в плохом настроении (позже я узнала, что он был болен раком). Мы с двою-

родным братом украдкой запрыгивали на его лошадей и уезжали в лес. Это были фермерские лошади, поэтому седел для них не предполагалось. Несколько раз я падаю — испугавшись грозы или неожиданного галопа. Я возвращаюсь домой, вся поцарапанная ветками деревьев и падениями. Мама смотрит на меня и спрашивает: «Ну, что стряслось сегодня?» Однако это не звучало как выговор. Я чувствую, что она боится за меня, но принимает во мне сорвиголову. Она никогда ничего мне не запрещает. Я очень люблю пробовать все новое. Никогда не останавливаюсь. Я гиперактивна. С такими родителями сложно не быть активной.

Не помню, чтобы когда-нибудь боялась выговора мамы. Может, поэтому она никогда меня не бранила.

Как же можно не замечать столько проявлений доверия? В монастыре история повторяется. В седьмом классе учительница смотрит мне прямо в глаза и говорит: «Лиз, тебя ждет великий путь. Ты себя еще покажешь! Вот увидишь, у тебя будет прекрасная, наполненная жизнь». Я знаю, как она в меня верит, и это очень меня трогает.

Эти примеры явно показывают, как я была избалована — меня всегда поддерживали и ободряли, чтобы я преодолевала свои пределы и все больше осознавала свои способности. **Все вокруг пытаются донести до меня послание, что БОГ — во мне и для Него нет невозможного.** Мне нужно осознать эту силу. Всё этому способствует. На самом деле, люди отражали то, что я уже и так знала о себе, хотя еще не верила в это!

Тогда я еще не знала, что в основном пользуюсь силой разума: доказываю, какая я хорошая, что я — долгожданный «мальчик» в семье, что я не маленькая плакса и не глупая. **Чем больше мы пытаемся что-либо доказать, тем меньше верим в это сами. Когда мы в это поверим, нам больше не придется прикладывать усилий, чтобы доказывать факт.** Просто он есть, и это естественно!

Подводя итог о своем детстве, скажу: несложно представить себе маленькую белокурую девчонку, очень живую, энергичную и решительную, которая знает, куда идет и что ей нужно делать, старательно учится; жадно ищет приключений и при этом умудряется налаживать отношения с родителями и учителями; пытается казаться очень сильной и больше не плачет.

В то время я еще не осознаю, что не люблю, когда меня критикуют, и делаю все возможное, чтобы достичь своих целей. Ради этого мне часто приходится привлекать других; но я каждый раз проверяю, имеют ли они что-либо против или нет. Уже тогда для меня важно не мешать людям. Я прихожу к выводу, что, если не мешать другим и показать себя достаточно разумной, тебе дают больше свободы делать, что ты хочешь. Уже тогда во мне проявляются черты ребенка «мягкого Тефлона»* (я расскажу подробнее об этом в следующей главе). Кроме того, уже в раннем возрасте я часто задаюсь вопросом: «Как так получилось, что я пришла в этот мир девчонкой? Мне кажется, жизнь для мальчиков справедливее и проще!» Однако это не беспокоит меня настолько, чтобы омрачать мое счастье.

Детство я помню в основном счастливым и искренне думаю, что это был гармоничный период в моей жизни. В нем всего было понемногу, и я приняла несколько решений, которые повлияли на мою будущую жизнь.

Кстати, так делают все. Говорят, **наша взрослая жизнь — результат решений, принятых в раннем детстве, конечно неосознанно...** Мы наблюдаем за тем, что происходит вокруг нас, слушаем и принимаем решения. Мы определяем хорошее и плохое, решаем, во что нам верить. И на основе этого мировоззрения разбивается наша система ценностей.

* Термин, введенный Дэниелом Кэмпом, автором ряда книг о ребенке-«Тефлоне». За подробной информацией обращаться в издательство «E=MC²». — Прим. авт.

Литературно-художественное издание

Лиз Бурбо

ПУТЬ К ЛЮБВИ. Я - БОГ? ВОТ ЭТО ДА!

Духовная автобиография

Перевод: *Н. Белоусова*

Редактор *И. Старых*

Корректор *Е. Ладикова*

Оригинал-макет: *Г. Булавко*

Обложка: *И. Дерий*

ООО Книжное издательство «София»

115191, г. Москва, Гамсоновский пер., д. 2, стр. 1

Для дополнительной информации:

Издательство «София»

04073, Украина, Киев-73, ул. Фрунзе, 160

Подписано в печать 24.09.2014 г.

Формат 84х108/32. Усл. печ. л. 13,44.

Тираж 3000 экз. Зак.

Отделы оптовой реализации

издательства «София»

в Киеве: (044) 492-05-10, 492-05-15

в Москве: (499) 317-56-22, 317-56-44

в Санкт-Петербурге: (812) 676-07-68

<http://www.sophia.ru>